

Роберт Бангиев

ПЕРЕВОДЫ СТИХОВ МУХИБА

Израиль 2020

Роберт Бангиев
Переводы стихов Мухиба

©Все права принадлежат автору,
Роберту Бангиеву, 2020 г.

Подготовка к типографии –
Роберт Бангиев

Тел: 0527-495939
Сайт: www.viva-muza.com
E-mail: robertmiryam@gmail.com

ТВОРЧЕСТВО МУХИБА

Мухиб (Мордехай Бачаев). Великий поэт Востока. Одна из ярчайших личностей 20-21 вв. Прекрасный документалист своей эпохи. Блистательный знаток литературы и её творец. Литературный таджикский язык в устах Мухиба столь же высок и красив, каким мы видим его в бессмертных творениях Рудаки и Фирдоуси, Саади и Хафиза. Мухиб – бухарский еврей той величины, какую представляют выдающиеся сыны этого народа – Шахин из Шираза и Шимон Хахам.

Полное собрание сочинений Мухиба из семи томов находит своё достойное место в мировой литературе. Главный герой его творчества проходит сложную эволюцию развития: от земного света – через мрак – к небесному свету, от романтического настроения в раннем творчестве советского периода 20-30-х годов прошлого века он погружается во тьму тяжелейших испытаний в сталинских лагерях и застенках и постсталинского времени реа-

билитации, а затем выходит на просторы истины и вечности в позднем творчестве, связанном с прикосновением к священным еврейским источникам уже в Израиле.

«Море страдания» – вот как можно определить долгий путь Мухиба на земле. Он стоически преодолевал бесконечно возникающие перед ним препятствия. Вот как в четырёх строках отобразил поэт всю свою многострадальную жизнь:

*Як дам дили безам назадам дар дунё,
Дар зиндагӣ шуд қисмати ман вовайло;
То як ғаму гуссаро зи дил нест кунам ,
Гардад ғами нав дар сари роҳам пайдо.*

В этом мире не познал я и мгновения покоя,
Моей долей стало в жизни лишь страданье роковое.
Только сердце успокою от печали и тоски,
Как приходит хмурым гостем горе новое, иное.

В этом четверостишии, похожем на страничку из дневника, наглядно отражается автобиографичность произведений Мухиба, написанных кровью. Автобиографичность пронизывает всё его творчество – поэзию, прозу, публицистику, документальную хронику. Мухиб в первую очередь поэт. О богатстве его поэтического творчества говорит множество применяемых им жанров и форм восточной поэзии от афористически кратких лирико-философских байтов и газелей до батальных полотен в поэмах и сказаниях. Мухиб подобен щедрому солнцу, которое, чем больше излучает света и тепла, тем больше их имеет.

Автобиографичность как черта стиля Мухиба особенно ярко выразилась в его цикле из одиннадцати газелей, посвящённых великому израильскому царю Давиду. Сопереживая Давиду, говоря о нём, Мухиб писал, конечно же, и о себе. Поэт, как и царь, испытал по отношению к себе страшную и беспричинную ненависть, беспрестанные притеснения и гонения, адские муки заключения.

*Доми душман аз бароям имтиҳони сахт буд,
Бо яминат берун овардӣ маро аз имтиҳон.*

Недруга синок был страшным, тяжким испытанием,
Но меня избавил Ты от вражеских оков.

Как и Давид, Мухиб уповал только на Б-га, только на Его великое милосердие.

*Ё Худоё, ҳастам аз Ту доимо уммедвор;
Ноумед асло нагардад ҳар кӣ бошад тарсгор.*

О Всевышний, на Тебя лишь уповаю я всегда;
Озаряет пусть надежда тех, в ком есть в Тебе нужда.

И Давид, и Мухиб были подняты Б-гом из мрачных низин бытия на вершину славы и вечности.

*Берун овард Ў маро аз ботлоқи нур зи лой,
Пас аз он дар зиндагонӣ роҳи ман ҷамвор шуд.*

Б-г извлёк меня из тины, утвердил шаги мои,
Вслед за тем лишь очутился я в безудержном полете.

Оба видели в своём чудесном спасении Б-жьё руку и до последнего дыхания были благодарны Ему. Оба имели дело только с Б-гом, а значит с вечностью, и поэтому творили бессмертную музыку. Пессимизм Мухиба, ставшего классиком при жизни, только кажущийся. В нем скрыта живая и могучая сила оптимизма, подобного тому, какой мы видим в псалмах Давида. Творчество Мухиба – это мир, полный надежд и веры.

*Ё Худоё! Ҳодию пушту паноҳи ман Туӣ;
Дастгири ман дар аҳволи табоҳи ман Туӣ.*

О Г-сподь! Мой добрый щит, путеводитель – это Ты,
В час тяжёлый мой спаситель, избавитель – это Ты.

Отдавая дань восточной поэтической традиции, Мухиб посвятил цикл из пяти поэм еврейскому священному ТАНАХу, состоящему из трёх книг – Торы, Пророков и Писаний. Это поэмы «Адам и Хавва», «Кобил и Хобил» (о сыновьях Адама, Каине и Авеле), «Сказание о Самсоне-богатыре», «Сказание о Рут», «Сказание о царе Давиде».

Следующим крупным поэтическим циклом Мухиба были три книги царя Шломо (Соломона): «Притчи», «Песнь Песней» и «Экклезиаст». Эти книги он перевёл с древнееврейского на еврейско-таджикский язык, причём «Песнь Песней» и «Экклезиаст» изложил в поэтической форме. В этих творениях Мухиб предстаёт перед нами как истинный поэт-иудей, и делает он это, подобно великому Шимону Хахаму, исключительно ради просвещения своего родного бухарско-еврейского народа. Мухиб проводит вечные сюжеты ТАНАХа через своё сердце, поэтому эти произведения наполнены его личными переживаниями о судьбах их героев.

Особняком стоит патриотическая поэма Мухиба «Ватан» («Родина»). Она посвящена его современникам – бухарским евреям, отдавшим жизнь за исход из мира зла и насилия и восхождение к истине, коей является настоящая Родина – Израиль.

Фрагменты из газели Мухиба «Любовь к поэзии» красноречиво говорят о том, что поэт не был одинок:

*Шеър буд дар навчавонӣ ҳамадамам, ҳамсӯҳбатам,
Маҳрами розам, рафиқам, дилбари хушталъатам...
Шеърро як умр ёри бовафо будам, Мухиб,
Дӯст хоҳам дошт онро то замони рихлатам.*

Лири, ты дней моей юности светлое сопровождение,
Та, кому вверил всецело я таинств души откровение...
Жизнь свою долгую верным поэзии был я, Мухиб.
Буду любить её и до последнего в жизни мгновения.

В лице поэзии Б-г дал Мухибу великого спутника на его тернистом пути. Поэзия пришла к нему в ранней юности. Она скрашивала его одиночество в годы заточения. Став смыслом его жизни, поэзия придала величие и безграничность терпению Мухиба. На пьедестал терпения гордо возшла воля поэта. Вместе они стали тем монолитом, перед которым не устояла система зла. Она дрогнула и, яростно огрызаясь, пала в бездну истории.

Мухиб был счастлив и тем, что вошёл в круг избранников Б-га, стезя которых была освещена любовью и верностью. В лице его возлюбленной Клары мечта поэта стала явью. Клара стала ярчайшим вдохновителем творчества Мухиба. Ей он посвящал самые сокровенные поэтические строки. Столь же богобоязненна, как и её суженый, Клара была тонким ценителем не только лирических излияний Мухиба, но и его неисчерпаемой мудрости и проницательности. Образом возлюбленной были навеяны строки одной из первых газелей поэта «Нозанини гулбадан», написанной в 1929 году:

...Дар гулистон аз миёни гулрухони дилрабо

Бас туро гуфтам: «Суман, ман ошиқи чони туям».

*Бо забони ҳол мегӯяд сухан бӯи суман;
Духтари ширинсухан, ман ошиқи ҷони туям.
Байни хубони ҷаҳон ту шамъӣ, ман парвонаам;
Эй чароғи анҷуман, ман ошиқи ҷони туям.*

Средь цветов в саду весеннем лишь тебе моё признание:
«О Жасмин моей мечты! Я пленён твоей душою».
Аромат твой утончённый, полон он очарованья;
Песнь душевной доброты, я пленён твоей душою.
Несравненный свет твой видя, в мотылька я превратился;
Луч во мраке суеты, я пленён твоей душою...

Облечённое образностью, глубокомыслие Мухиба становилось более притягательным. Подобно тому, как выражал он своё восхищение в рамках великой сдержанности, поэт искусно владел краткой формой изложения. Примером россыпи мудростей служит следующее четверостишие Мухиба:

*Дар пойгаи зиндагӣ мо бо сари сахт
Будем давон ҳар шабу рӯз аз пайи бахт.
Мо — пои пиёда, лек бахт аспакӣ буд,
Торафт зи мо дур бишуд чехраи бахт.*

В бегах пытаюсь тяготы волочь,
Мы счастье догоняли день и ночь.
Но – в пеших мы, а счастье – на коне:
От нас все отдалялось оно прочь.

Поэзия Мухиба, как и все подлинно великое, очень притягательна. В чём же секрет этого явления? В том, что поэт, проявляя своё призвание человека с большой буквы, возвысился над собой. Величественно и смиренно приняв свою судьбу, он сумел поднять личное горе на уровень общечеловеческой трагедии. Как-то, в беседе о поэзии, известная певица Софья Бадалбаева-Кайкова сказала: «Знаете, чем мне нравится Мухиб? Своей естественностью». Сказано кратко и верно. У Мухиба, как и у всех настоящих худож-

ников, в процессе творения каким-то странным образом, автоматически отсекается все лишнее. Это качество убеждает. Оно помогает выразить нравственную чистоту и искренность, скромность и подвижничество, заложенные в его сочинениях. Одно лишь мнение складывается у читателя – такому художнику не возможно не верить.

Муhib и сам был избранным, и писал для избранных. Цели и средства поэта были столь высоки, сколь возвышенна была вся образность его произведений. Прекрасно осознавая, что уровни восприятия людей не одинаковы, Муhib, тем не менее, не снижал классической высоты взятой им творческой планки. Как истинный наставник, он свято верил, что люди способны подняться на эту высоту и понять величие его слова.

Муhib никогда не забывал простую истину, которая гласит: «Хочешь, чтоб народ пошёл за тобой, иди за ним». Для этого почти под каждым своим сочинением он, как много знающий словесник, приводил маленький словарь, где объяснял значения редко употребляемых слов из этого произведения. Это своеобразная сноски-система довольно эффективна. Отсюда естественно родился уникальный толковый словарь Муhibа. Роль этого словаря

заключается в том, что он является предельно сжатым, подобно конспекту, насыщенным самым необходимым и неоспоримо точным вспомогательным материалом в работе со словом.

В «Море страдания» Мухиба есть чудный островок, который достоин упоминания. Это стихотворение «Шалом». Оно написано в совершенно другой тональности – в красках восхитительного и доброго утра:

*Ин чй мулоим нутку калом аст!
Ин чй латифу ширин салом аст!..
— Шолӯм, шолӯм! — табрики зебост,
Вирди забони ҳар тиру барност...
«Шолӯм» морост чун ёри ҳамдам.
— Шолӯм! — гӯем бо аҳли олам.*

Сколь нежен звук, проникновенен
В волшебном слове вдохновенном...
«Шалом! Шалом!» глас доброй воли,

Что повторяет стар и молод...
Шалом – мечта тысячелетий,
«Шалом!» поем мы всей планете...

Подумать только, сколько бы таких блестящих поэтических шедевров могло выйти из-под пера гениального поэта! Но судьба его повернулась так, что появилось обилие газелей, полных печали и скорби.

Поэзия Мухиба. Когда я перевожу её на русский язык, то испытываю настоящее удовольствие и бесконечное наслаждение от соприкосновения с подлинным величием. Стихи Мухиба совершенны. Искусство сохранить в переводах его творческое лицо требует от переводчика огромного труда. Но этот труд не умаляет моей радости, потому что он даёт мне редкую возможность делать то, что я хочу и люблю. Не знаю, насколько меня хватит для этой грандиозной работы, но скажу честно: если б мне была дарована ещё одна жизнь, я посвятил бы её исключительно переводу поэзии Мухиба.

Мухиб и сам блистательный переводчик. Излюбленный поэт Мухиба – А. С. Пушкин, непререкаемый авторитет мировой поэзии. В большом почёте

у Мухиба – переводчика и мастера басни – Эзоп («Лиса и виноград», «Убийца» и др.) и Крылов («Волк и ягнёнок», «Ворона и лисица» и др.). Сам выдающийся моралист, Мухиб преклонялся перед шедеврами великих баснописцев. Переводил Мухиб не только с русского языка, но и с иврита. Выше говорилось о крупной работе Мухиба-переводчика – о «Притчах» царя Шломо. Можно представить, с какой самоотдачей работал он над переводом всего многообразия близкой ему по духу мудрости человека, который получил её от Б-га.

Блестящий прозаик, Мухиб является автором многих произведений индусского содержания. Это сказки и притчи («Мальчик и змеёныш», «Сумасшедший народ и здравомыслящий царь» и др.). Величественно просты и поучительны рассказы писателя, которые также не оставят никого равнодушным («Аист», «Непоседливый мальчик» и др.).

В томах «Куллиёт» (Собрание сочинений) Мухиба читатель найдёт великолепные по стилю публицистические статьи, выступления по радио, участие в дискуссиях, письма и многое другое, всегда интересное и всегда полезное читово. Для читателя может стать неожиданным открытие Мухиба как

добросовестного собирателя фольклора – всевозможных анекдотов, загадок, пословиц, поговорок и скороговорок. «Поскольку эти мудрости принадлежат народу, – говорит Мухиб в предисловии к своей фольклорной тетради, – естественным было бы с моей стороны возратить их ему как подлинному владельцу в лице моих дорогих читателей».

Сюда же, в фольклорную тетрадь Мухиба, вошли два выдающихся поэтических произведения крупной формы. Это «Назидания» бухарско-еврейского поэта средневековья Рагиба (Алишера Самарканди) и «Сказание о Султানে Джамджама» таджикско-персидского поэта древности Фаридаддина Аттора, сердцем принявшего священное еврейское Учение. Путём транслитерации Мухиб перевёл оба сочинения на кириллицу, благодаря чему они стали доступны его народу.

Мы подошли к одной из вершин творчества Мухиба – к его двухтомнику «В каменном мешке», к произведению, которое смело претендует войти в число наилучших в жанре документальной хроники. Это безжалостная правда о советском режиме и суровое разоблачение сталинских лагерей, о стране, превратившейся в систему зла, в каменный мешок, цепко держащий

в себе несчастных узников.

*Афтода дар ин беша асири мискин,
Чун оҳуи маҷрӯҳ ба ҳоли вазнин.
Аз дасти ситампешаи аввомфиреб
Шуд мамлакати бутун «ҷуволи сангин».*

Узник, оказавшийся в лесу дремучем, злом
Зрит оленем загнанным, израненным копьём.
Власть преступно лживого, жестокого тирана
Сделала страну цветенья «каменным мешком».

Это горестный плач о совершенно бессмысленных страданиях тысяч и тысяч безвинных душ и скрытый гнев беспощадно истерзанных мучеников в лабиринтах застенков. Это вопль оболганных и оклеветанных, потерянных в безысходности арестантов и скорбная песнь о яростном цинизме и жалобном стоне. Это приговор обезумевшим истязателям и палачам, разгулявшей-

ся и вышедшей из берегов злобы, основанной на страхе. Это приговор страшному и несправедливому суду человека над человеком, тотальной лживости и бессовестному обману. Книга Мухиба «В каменном мешке» – это бездна его «Моря страдания».

Творчество Мухиба достойно самого тщательного анализа и фундаментального исследования литераторов и учёных, востоковедов и словесников, историков и социологов. Оно достойно созыва специального симпозиума, а может быть, и нескольких симпозиумов мирового уровня. Творчество Мухиба достойно перевода на языки всех высококультурных народов мира. Оно, безусловно, станет сокровищницей мировой литературы и войдёт в учебные программы известных университетов мира.

Роберт Бангиев
член Союза писателей Израиля

ПЕРЕВОДЫ СТИХОВ МУХИБА ГАЗЕЛИ

«Хуш он замон, ки лиқои хуши Ватан дидам!..»

Блаженно то время, когда я увидел лик Родины милой!
Блаженна минута, когда я увидел себя среди лилий!

Восторженны были приветствия лиц отовсюду!
Восторженны были улыбки, которыми лица раскрылись!

Разбитое сердце моё потрясло ликование встречей
Со строем военным, где жёны с мужьями фортуны делили.

Как жаль, что прошли мои юные дни далеко на чужбине,
Где мукой, терзаньем пытала и душу, и тело немилость.

Мне жребием выпал удел соловья, заключённого в клетке.
Врагу своему не желаю того, что со мною творили.

В том жутком дворце, где царили томление, страх, истязанье,
Поэты блуждали, певцы, чьи уста были заперты силой.

Творцу Всемогущему слава – эпоха прошла угнетенья;
Свободы и радости знамя Священной Земли вдохновило.

Познавший неволю, лишь бывший в цепях знает цену свободы,
Досадно, но видел я здесь и глупцов, что о прошлом забыли.

Муhib, не ропщи на отстой человеческий, насквозь прогнивший,
Лишённый понятия сути всех бед тобой пройденной были.

«Ҳар ки ҳар чи.мешавад, аз дасти худ бас мешавад..»

В злoключеньях человека сам всегда он виноват
Добрым нравом превращает жизнь он в рай, недобрым – в ад.

Коль откладывать он будет все дела свои на завтра,
То займёт, как отстающий, лишь последний жизни ряд.

Коль в безделье повседневном прозябать свой век он станет,
То его, подобно грифу, презирая, отдалят.

Коль отца и мать забросит, без вниманья их оставив,
То в грядущем пусть не ждёт он от потомков добрый взгляд

Коль он выйдет на дорогу низости и вероломства,
То коварство и бесчестье дни его отяготят.

Коль презренных эгоистов сокрушит исчезновенье,
То наш мир многострадальный станет благодней стократ.

Эй, Мухиб, остерегайся чванства и самодовольства,
В старости ждёт эгоиста одиночества закат.

«Ҳар яке як орзуе дар дилаш мепарварад...»

В сердце всяк мечту свою лелеет, охраняет;
А мечта красивой девой сердце покоряет.

Человек, когда пленён красивою мечтой,
В небесах своей мечты он день и ночь витает.

Кто мечтает встретить друга на пути своём,
Тот все трудности и беды преодолевает.

А собрат его по духу, честен, справедлив,
Жизнью собственной рискуя, ближнего спасает.

Благородный проявляет преданность друзьям,
Предавая близких, дружбе подлый изменяет.

Вся мечта его – лишь деньги, золото копить,
Золотого он тельца как будто созидает.

Он не ведаёт понятий дружбы и добра,
Присосавшись жадно к жизни, только потребляет.

Человечности ж присущи добрые дела;
Имя доброе нас в мир иной сопровождает.

Пусть мечтой твоею будет нравственность, Мухиб,
Не печалься, светлый день ночь тёмную сменяет.

«Хира чаимам, суст дил, вайрон асаб...»

Взгляд потускнел мой, сердце ослабло, нервы больны,
Темень в глазах, мир предо мною, что ночь без луны.

Лекарь, послушай, доколе ты будешь терзать меня, мучить?
Силы души моей от твоих снадобий сокрушены.

Болен я очень, но нет от болезни моей исцеленья;
Всё потому, что веселья и радости дни лишены.

Счастье лишь изредка в жизни безрадостной мне улыбалось,
Напоминала судьба гнев сердито ревущей волны.

Глупая вера в людей превратила весну мою в осень,
Дружбы просил у врага я, наивностью просьбы полны.

Грѣз моих сладких корабль о риф вероломный разбился,
Горечь принёс беспричинную злой ураган сатаны.

Не устоял я и оказался в аду нестерпимом;
Был поражён, насколько жестокостью люди сильны.

Всё потерял я – сон и покой, наслаждение и радость;
Годы прошли, как в тумане, словно кошмарные сны.

В странствиях в мире теней я, Мухиб, был исполнен печали,
Стали волнением и трепетом дни мои омрачены.

«Рӯзам ба ғаму шабам ба мотам гузарад...»

Дни мои в горе и ночи в печали проходят,
Жизнь, что тщетою бесплодною стала, проходит.

Юности радужной прелести я не познал,
Радость, которая с ядом смешалась, проходит.

Век мой – удел соловья в мёртвой хватке силка –
В грусти и скорби в углу захудалом проходит.

Как уплывающей тучи недолгая тень,
Жизнь без следа и без знака в опале проходит.

Рано я начал свой тяжкий, безрадостный путь,
Пусть же, Мухиб, он быстрее к причалу, приходит.

«Салом, эй пири кор, эй ибрати фазлу чавонмардй!..»

Здравствуй, мужества и воли путеводная звезда!
Благодарствую за свет твой — былъ уж тьмы нашей чреда.

Предпочёл ты Самарканду, Бухаре Страну Святую,
И принёс нам бездну знаний из Священного Пруда.

Добрым, смелым водолазом в воды Истины ныряя,
Дал жемчужин сонм — и снята с наших лиц вуаль стыда.

Как орёл летит по небу, ты парил в высотах Мысли,
Солнца луч принёс оттуда – мрак исчез наш без следа.

С упоением, с любовью пел царя Шломо газели,
Благовония принёс ты с цветника его сюда.

Путешествовал с Шахином по степям и по пустыням,
Песню вечности принёс нам, блеск пророчества плода.

Воспевал с Амнуном вместе ты любовь, её страдания;
Страстной к Родине любовью ты зажжёг нас навсегда.

Ты уверенно повёл нас по стезе непроторённой;
И сынов заблудших стала поступь к Матери тверда.

Благодарности Мухиба ты прими за все деянья!
Столь великим просветительством душа наша горда!

«Ҳар ки дилро боргоҳи тарси яздон мекунад...»

Каждая личность, в чьём сердце есть страх перед Б-гом,
Всё исполняет по совести, сам к себе строгий.

Совести пробный он камень, священен тот страх,
Нечисть же только у дьявола ищет подмоги.

Внешностью лишь нечестивец, как все, человек,
В жизни же – козней носитель, обид и подлогов.

Верность чужда ему, и благородства в нём нет,
Лишь лицемерие, чтобы наивных растрогать.

В шкуре овечьей таит свою сущность сей волк,
Вдов разоряет, сирот, бедняков на дороге.

Цель – карьеризм, а богатство – его идеал,
Ими гордится, гарцует конём он двуногим.

То он хитрец изворотливый, то лжепророк,
Вечно обман покрывает напыщенным слогом.

Горе тому, кто в ловушку его угодил,
Стонет, бедняга, как будто от сильных ожогов.

О, сколько видел таких подлецов я, Мухиб,
Мысли о них не к покою ведут, лишь к тревоге.

«Фигон, ки бахти дилосо на аз барои ман аст!..»

Как жаль, что безмятежная судьба, она не для меня!
Услады жизни, наслаждения волна – не для меня!

Проклятый недруг! Он в колодец меня бросил, как Йосефа;
Свет тёплых солнечных лучей, зари тона – не для меня!

Обитель скорби и тоски, моим пристанищем ты стала;
Веселье зрелищ, свадьба, радости полна, – не для меня!

Попал как куропатка я в силлок эпохи вероломной,
Роса и свежесть поля, степь, что зелена, – не для меня!

Весна пришла, но в клетке я мечусь и бьюсь в истошном вопле;
Благоуханье роз, блаженства времена – не для меня!

Остёр нож клеветы, и сердце моё в тысячах осколков;
Мгновенье счастья, когда жизнь уж спасена, – не для меня!

Муhib, не падай духом, изгони отчаянье из сердца,
Хоть и надежда, что душа будет вольна – не для меня!

«Дарего, к-аз чавони ман ба гамҳо мубтало гаштам...»

Как жаль, что был повержен я в несчастья с юных лет,
Что вял бутоном нежным я от боли и от бед.

Как рано вторгся мрак зловещий в жизнь мою, о горе!
Лишь начал жить, но был жесток со мною белый свет.

Не спрашивай меня, мой друг, о дне моем счастливом,
Невзгодами разбито сердце, счастья ж в жизни нет.

Мир полон мук, истерзан я, иссякли мои силы;
Стал бледен, болен, одинок – страданий тяжкий след.

Превратности судьбы внесли меж близкими разлуку,
И мной потерян был тогда родных и мудрых цвет.

Я свято верил в справедливость, в преданность, не зная,
Что буду жертвой вероломства, зло познав в ответ.

В сетях обмана я, Мухиб, печально восклицаю:
«Как жаль, что был повержен я в несчастья с юных лет!»

«Шеър буд дар навҷавонӣ ҳамдамам, ҳамсӯҳбатам...»

Лира, ты дней моей юности светлое сопровождение;
Та, кому вверил всецело я таинств души откровение.

Стройная форма, напевность звучания, дум чистота
Были источником истинной радости и наслаждения.

Как глубоко, задушевно моих оживление струн
Музой Шахина, Рагиба – творцов моего преклонения!

Страсть к стихотворчеству в сердце моём поселилась навек,
Словно любовь, стала жизненной сутью и обыкновением.

Хоть и твердят, что от вредной привычки страдает душа,
Но выше сил моих творчество — это судьбы повеление.

Долгие годы пробыл у врага я, сомкнувши уста;
Только стихов излияние было моим утешением.

Смыслом наполнились дни мои: жизнь – то раскопки горы,
Поиск камней драгоценных поэзии, их нахождение.

Каждое слово стиха – трата жизненных соков и сил,
Напоминает мне это лишь женщин при родах мучение.

Пчёлкой летаю средь слов, для людей собирая нектар,
Вызвал чтоб в них мой медовый напиток души утоление.

Денно и ночью мечтаю о том, чтоб украсить их мир,
Слух их всегда чтоб мои услаждали творения.

Жизнь свою долгую верным поэзии был я, Мухиб.
Буду любить её и до последнего в жизни мгновения.

«Дило, акнун ту ҳам соҳибватан гаитӣ, муборак бод!..»

Мой друг, теперь и ты стал полноправным гражданином, будь благословен!
Достойным сыном стал Земли Священной ты отныне, будь благословен!

Везде ты в мире был, как пасынок, унижен и отвержен, но сегодня
Расцвёл ты розою в саду цветущем соловьином, будь благословен!

Всегда тебя преследовали тенью неразлучной страх и опасенья;
Исчез души и тела трепет, вечный на чужбине, будь благословен!

Безмолвной рыбой тебя сделала эпоха притеснений, угнетений;
Здесь овладел ты словом, его пламенной вершиной, будь благословен!

Как и Йосеф, был брошен ты в колодец к змеям, радости лишён и света;
Отныне сам стал светочем и гордостью общины, будь благословен!

Твоя поэзия, твой дар и вдохновенье возвещают с ликованием:
«Ты на родной земле, с тобой слились мы воедино, будь благословен!»

Дни осени твоей прошли, и наступила вновь пора весны счастливой,
На Родину вернулся, эй Мухиб, свободным сыном, будь благословен!

«Ёро, сухане гӯямат аз рӯи мухаббат»

Мой друг, я с любовью сказать хочу несколько слов,
Пусть будет подарком юнцам наставленья отцов.

Всегда образцом тебе будут пусть добрые люди,
Тогда на дороге своей жди попутных ветров.

В добре растворяйся, пока есть возможности капля,
Всех радуй, кто в верности предан тебе до краёв

Добро как целитель-бальзам на сердечные раны,
Как чаша шербета, иль состраданья покров.

Добро делай всем, чтоб добро тебе стало ответом,
Ведь злоба приносит в ответ лишь несчастий улов

Для добросердечных одно есть условие только,
И это условие ты соблюсти будь готов:

Когда дело доброе сделаешь, остерегайся –
Не жди и не требуй взамен услуг и долгов.

Знай, каждый намёк, укоризна и напоминанье –
Отравы губительной капля в той чаше даров.

Муhib, коль добро совершил ты, то брось его в реку,
Из сердца с водой унесётся пусть память тех слов.

«Эй Ватан, ёри қарини ман туй...»

О Родина, спутник и друг моих дней – это ты,
Вдохнувшая жизнь в меня мать, мой елей – это ты.

Хоть лик твой и стар уж, хоть весь он в глубоких морщинах,
Любимая, всех красивей и нежней, – это ты.

В объятьях твоих полной грудью вдыхаю свободу;
Цветник, где чудесно поёт соловей, – это ты.

О Родина, горд я твоим бытием и духом возвышен;
Земля, всех земель благодатней, добрей, – это ты.

От недруга дерзкого, полного зла и коварства,
Защита, скала всех заслонов мощней, – это ты.

В безлунную ночь моей, полной волнения, жизни
Свет ярких, дающих надежды лучей, – это ты.

По бурной, тяжёлой дороге к тебе шёл я долго,
Последний причал мой, тиши апогей – это ты.

С огромной любовью счастливый Мухиб восклицает:
«Мой рай на земле, отрада очей, – это ты!»

«Нозанини гулбадан, ман ошиқи чони туям...»

О царица красоты, я пленён твоей душою;
Лик небесной чистоты, я пленён твоей душою.

Средь цветов в саду весеннем лишь тебе моё признание:
«О Жасмин моей мечты! Я пленён твоей душою».

Аромат твой утончённый, полон он очарованья;
Песнь душевной доброты, я пленён твоей душою.

Несравненный свет твой видя, в мотылька я превратился;
Луч во мраке суеты, я пленён твоей душою.

Нрав твой сдержанный и тонкий, лепесточка розы тоньше;
Море ласки, теплоты, я пленён твоей душою.

Жажду верности твоей, чтоб не пришлось сказать мне с болью:
«О кумир коварный ты, я пленён твоей душою».

Несмотря на все страдания, скажет пусть Мухиб от сердца:
«Жизнь моя и счастье – ты, я пленён твоей душою».

«Шунав ин қиссаи дилбастагии гарму ҷӯшонро...»

Послушай легенду о тех, кто любовью большой покорён,
О пламенной, чистой любви юной пары – Мазол и Залмон.

Когда по велению любви шли навстречу друг к другу два сердца,
Земля с небесами издали приветственный, радостный звон.

В объятьях любви расцветали влюблённые ярко и нежно,
Напомнив красивый цветник, что лучами весны озарён.

Дни жизни четы молодой протекали в любви и согласье;
Плоды их – три чада, и каждое, как луноликий бутон.

Но грянула злая война, порождая разруху и жертвы;
Повсюду оставлен был след её – невосполнимый урон.

Война, как дракон, ни детей не жалела, ни немощных старцев;
Жестоко, нещадно проглочен был ею и бедный Залмон.

О горе от злого дракона! О скорбь от войны кроважадной,
Унёшей бесценного друга, что храбростью был наделён!

На голову бедной Мазол пали вдовьи лишения и муки,
Но матери долг благородный был ею достойно свершён.

Лишившись любимого, жизнь она, словно в бою, проводила,
Шла, падая, вновь поднималась, как воин, что не побеждён.

Взвалила на хрупкие плечи свои непосильное бремя,
Пока подняла сиротинушек, в явь воплощая свой сон.

Была она верной женою! Была она матерью редкой!
Себя не щадя, детям жизнь посвятить – её мудрый закон.

Лишь в старости поздней ступила Мазол на Священную Землю,
Но пробил страдальцы час, тяжкий путь её был завершён.

Муhib с болью в сердце воскликнул: «Как жаль эту мать! Жаль до боли!
Её доброте, человечности, святости низкий поклон!»

«Хуш буд он соат, ки кардам тарк ин ғамхонаро...»

Прекрасен был час, когда я покинул сей дом сокрушенья,
Я ожил тогда, увидев возлюбленной лик на мгновенье.

От радости пел, судьбу восхваляя за то, что она
Решила на миг лучом озариться в моём заточенье.

Был жаждой томим любви, поцелуев с желанной своей,
Напрасны мечты – её удостоился лишь лицезренья.

Разлуку мою с любимой железные прутья вершат,
Как будто не друг, а некто за ними стоит с порученьем.

Оков вроде нет, и руки, и ноги как будто вольны;
Но цепью сковал мой дух надзиратель холодным презреньем.

Гнетущее зло, что сеет дракон, – крах великой страны;
Как горестно мне, хвалившему мерзостный строй разрушенья!

От тягостных дум с ума в этом мире не трудно сойти;
Мухиб, как унять своё сумасшедшее сердце в смятенье?

«Сулҳи моро кард вайрон душмани гаддор боз...»

Снова мир наш нарушил коварный и яростный враг,
Снова вторгся безжалостный хищник в наш светлый очаг.

Удостоились мира мы очень высокой ценою,
Снова в доме противник-грабитель, навязчив и нагл.

Доля наша всегда была связана с ношей тяжёлой,
Снова нас, очевидно, ждёт сложный военный спектакль.

На пути за свободу не раз мы с врагом воевали,
Снова стала война неизбежностью, словно сорняк.

Очень жаль, что на этой войне, напряжённой, жестокой,
Снова наших солдат кровь прольётся – то жребия знак.

О отважная рать, о ЦАХАЛ, возвеличенный в славе,
Снова миру яви героизм свой, пусть примет, как факт.

Прегради своей доблестью злему врагу ты дорогу,
Снова бей и в крови потопаи его, юный смельчак.

Беспрестанно преследуй врага и сломи его волю,
Снова пусть потеряет он мощь, погрузившись во мрак.

Обратится пусть в бегство он бешеной в злобе собакой,
Снова с глаз пусть исчезнет с истерзанным сердцем, маньяк.

Ждёт с надеждой Мухиб лишь побед от родного ЦАХАЛа,
Пусть победный взвивается в небе израильский флаг.

«Дилам шуд бемадор аз шиддати сахти тапиданҳо...»

Устало сердце моё сильно от ударов учащённых,
Подобно лошади, уставшей на бегах и измождённой.

Меня свалили безысходность и обманчивость надежд,
Удел мой ныне лишь тщета без целей, к звёздам устремлённых.

Не мог вздохнуть в удушье тяжком, я как птенец подбитый, сник.
Душа изранена моя страданием, болью причинённой.

Ни наслаждения, ни покоя я в дни жизни не познал,
Хотя в душе всегда хотелось мне быть умиротворённым.

Мой беспощадный, лютый враг внезапно крылья мне сломал.
С разбитым сердцем прожил я, полётов творческих лишённый.

И потеряло моё сердце радость в доме, полном зла,
Из многих чувств живёт в нём ныне лишь тщета, опустошённость.

О мёде счастья у Мухиба ты не спрашивай, мой друг,
Ещё осталась горечь яда бедствий, мной перенесённых.

«Рафт бо ту ҳар чӣ бо худ доштӣ»

Ушло с тобой всё, что было твоим,
Всё, чем ты жил и чем был одержим.

Грязь рук твоих и та ушла бесследно,
Ушло богатство, что считал своим.

От прошлой жизни только то осталось,
Что сеял, что могло стать дорогим.

Коль семя ты хорошее посеял,
То имя засияет, словно нимб.

Коль ремеслом ты сделал злодеянье,
Оставил имя навсегда плохим.

Знай, зло всегда приводит к унижению,
Хоть ты достиг небес и был любим.

Муhib, ступая, зла остерегайся,
С недобрым – в мире, в мире будь лишь с ним.

«Хар як одам мисли як олам бувад»

Человек, по сути, миру как собрат,
День и ночь вращаться – вот его уклад.

Он, как мир, суровый и несправедливый,
Искажён в оси вращения, хитроват.

По оси кривой бежит, не уставая,
С кривизною алчных быть всегда он рад.

Его жадности не ведомы границы,
Как у смерти, ненасытен его взгляд.

Весь свой путь бежит за славой, за богатством,
Мало всё, он жаждет более стократ.

Бег порывистый его напоминает
То грохочущих, то тихих звуков ряд.

То он гордый, смотрит стройным кипарисом,
То – плакучей ивой, коль тревожит спад.

Он всю жизнь бежит, как лошадь скаковая,
Но в итоге его ждёт ударов град.

В непрерывном беге, о Мухиб, нет пользы,
Смерть в конце пути – один лишь результат.

ГАЗЕЛИ ЦАРЯ ДАВИДА

1

О Г-сподь, Ты пастырь мой, само благоволение,
Вера, упование, источник вдохновения.

Ты к лугам ведёшь бескрайним, в земли плодородные;
Там душа моя находит счастье, наслаждение.

Ты всегда мне открываешь тропы справедливости,
Совесть чтоб моя прошла чрез святость очищения.

Страха в сердце моём нет пред вражескими кознями,
Ибо Ты всегда со мной, Твои благословения.

Расстелил врагам назло Ты скатерть Своей щедрости,
Чтоб всегда мой царский стол богат был угощением.

Умастив меня елеем, Ты престол доверил мне;
Моя чаша переполнена тебе благодарения.

На Тебя лишь уповаю, пока есть дыхание;
Да пребуду в доме Б-га, в крепости спасения.

2

Я на Б-га полагался, Б-г вошёл в мои заботы;
Изумлённый Его чуду, я познал судьбы высоты.

Он извлёк меня из тины, укрепил шаги мои;
Вслед за тем лишь очутился я в безудержном полёте.

Я просил Его помочь мне в битве с яростным врагом;
Внял Он – и врага-злодея ждали гибели ворота.

На моей прямой дороге недруг вырыл яму-смерть;
Сам в неё он провалился, оплошав в своих расчётах.

О Всевышний, прославляю я Тебя от всей души;
Мой народ в тени Твоей далёк от бедствия и гнёта.

Милосердие Твоё я воспеваю день и ночь,
Твои добрые деянья, бесконечные щедроты.

Рады страждущие толпы благостным дарам Твоим;
Праведникам, верным стал Ты крепостью, оплотом.

3
О Г-сподь мой, долго ль будет сеянье тираном мук?
Сколько ж зла терпеть народу от его кровавых рук?

Кровь безвинных, кровь пророков – вот чем пьян тиран жестокий;
День и ночь в пиру кровавом он проводит свой досуг.

Месть, гоненье, притеснение, клевета – его деянья;
Вслед за ними слышен стон, глухих рыданий скорбный звук.

Людям зло он причиняет, вдов, сирот он обижает;
Стрелы лжи его готовы, лук всегда натянут, туг.

О злодей, ты губишь души, словно волк жестокосердный;
Где твой – не пред человеком – пред Всевышним страх, испуг?

Коль прогневаешь ты Б-га, в ужас Он тебя повергнет,
И накажет так жестоко, что войдёшь в убогих круг.

Я ж надежды возлагаю на Творца, на Его милость;
Даст мне вечность мой Создатель, праведных великий друг.

4

О Всевышний, на Тебя лишь уповаю я всегда;
Озаряет пусть надежда тех, в ком есть в Тебе нужда.

В грёзах и в делах моих – во всём Твоё святое Имя;
Силою Твоей пусть будет верного стезя тверда.

Пусть у всякого, кто свято пред Тобой благоговеет,
Станет чистой жизнь и светлой, как журчащая вода.

Преклонялся я, страдая, пред Тобою в час тяжёлый;
Милосерден был со мной Ты всякий раз, во все года.

Восхваляю бесконечно Твою святость, справедливость;
Добрых взор Твой услаждает, умиряет злых узда.

Чудеса повсюду сея, праведных от бед спасая,
Нечестивых и порочных Ты ведёшь к вратам стыда.

Воспевать Тебя я буду в песнях и в благословеньях,
Покровитель мой великий, путеводная звезда.

5

О Всевышний, Именем Своим дай избавление
От врагов, от нечестивых щит дай, ограждение.

Отовсюду поднимаясь, враг стеной надвинулся;
Страшно мне и тяжело от гнёта, притеснения.

Страх вселился в моё сердце, страх опустошающий;
Я к Тебе взываю, Г-споди, услышь моё моление.

Посмотри, Властитель мира, на мои страдания;
Помоги, дай твёрдость духу, сердцу – укрепление.

Был бы я свободной птицей, быстрокрылым голубем,
Испытал бы от полёта радость избавления!

Улетел бы вдаль от бури, от невзгод и бедствия;
Был бы защищён я от тревоги и волнения!

Я лишь на Тебя надеюсь, о Повелевающий;
Только Ты – моя опора, Ты – моё спасение.

6

Всей душой люблю Тебя, основа всех основ;
Крепость Ты, моя твердыня, мощный мой покров.

От врагов и недругов Ты щит мой и опора;
Песнь об этом донесу до дальних уголков.

Смертный страх объял меня, тьма вражья отовсюду;
Лишь к Тебе направлен, Б-же, мой печальный зов.

Ты слышал голос мой и внял моим мольбам;
Громом, молнией сразил Ты всех моих врагов.

Недруга силою был страшным, тяжким испытаньем;
Но меня избавил Ты от вражеских оков.

Справедливому даёшь Ты добрую награду;
Исчезают в тленности злодей и сквернослов.

О Г-сподь, без устали Тебя я восхваляю;
Твоя милость – вот награда всех моих годов.

7

Восхищая, изумляя, Б-г творил Свои деянья;
В мире всём распространилась святость Б-га и признание.

Свой народ избрал Всевышний, как овец Своих берёг,
Пас на пастбищах Священных, укрепил Своею дланью.

Он, наш Б-г, нам благосклонность, доброту Свою явил;
Радуйся и пой, Израиль, будь всегда в Его сиянье!

Лютни вынеси, тимпаны, Б-гу пой хвалебный гимн,
Имя прославляй Святое в стройном пенье, в восклицаньях!

Выходи навстречу Б-гу, с сердцем добрым преклонись,
Пой Ему газели, песни, восхваляй Его с желаньем!

Рассыпайте пред Великим благодарность и хвалу,
Б-га избранные дети, в безграничном ликование!

О Всевышний, воспою я милосердие Твоё;
Посетит пусть добрых радость, а злодеев – скорбь молчанья!

8

О Г-сподь, царь празднует Твоё благоволение,
В чудесах Твоих, в твореньях нет ограничения.

Что бы он не пожелал, давал ему в награду Ты,
Добротой привёл мечты его к осуществлению.

Для семьи своей и рода жизнь просил он подарить,
Обещал ему престол Ты в вечное владение.

На главу царя из золота венец Ты возложил,
Чтоб, как золото, чисты в нём были помышления.

Царь на Б-га возлагает все надежды день и ночь;
В мыслях он не допускает своего падения.

О Г-сподь, ужасны были замыслы Твоих врагов,
Гнев же Твой великий вверх их в муть исчезновения.

Славит мощь Твою и силу царь от сердца своего,
В памяти всегда хранит чудес Твоих мгновения.

9

О Г-сподь, меня помилуй, пред Тобой виновен я;
Милосердия прошу я, справедливый мой Судья.

Признаю свой тяжкий грех, моё раскаянье от сердца;
Растерзала меня совесть возмущённая моя.

Я хожу, обременённый недостойнейшим проступком,
Как беременная дева, чья греховна колея.

О Всесильный, Всемогущий, Ты закрой на грех мой око,
Смой вину мою иссопом, выбрось в двери забвения.

Заново создай во мне Ты сердце чистое, благое,
Чтоб оно было вдали от прегрешений жития.

Я прошу, не отстраняй меня от радости спасенья,
Не лишай Святого Духа, о Властитель бытия!

На Тебя лишь уповаю и Тебя лишь воспеваю;
Будет песнь моя водою бесконечного ручья.

10

О Всевышний, нет числа моим врагам непримиримым;
Восстают со всех сторон они, их зло неотвратимо.

Молвил обо мне мой недруг: «Нет спасения ему,
Б-г лишил его защиты, стал к нему неумолимым».

Ты ж, Предвечный, Бесподобный, гордостью вошёл в меня;
Сокрушая натиск подлых, даришь мне непобедимость.

Голос мой к Тебе взывает, молит о спасении;
Тотчас внимлешь стону Ты, и вот я – вновь Тобой хранимый.

Дни текут мои спокойно, нет следов в них страшных драм,
Потому что Ты со мною, Ты, Судья неоспоримый.

Страха нет во мне пред бурей, пред восставшим злом врагов,
Если град ударов вражьих будет даже нестерпимым.

О Всевышний, дай спасенье от повстанцев-бунтарей;
Лишь Твои, Всесильный Б-г, защита, помощь ощутимы.

11

О Г-сподь! Мой добрый щит, путеводитель – это Ты,
В час тяжёлый мой спаситель, избавитель – это Ты.

В мире хитрости, обмана на Тебя мои надежды;
Мой оплот, твердыня, крепость, мой хранитель – это Ты.

В посвящениях Тебе нашёл я слог богоугодный;
Ухо внимлющее, око, мой целитель – это Ты.

Среди волн коварства, злобы Ты рождал моё спасенье;
В чёрный день моя скала, моя обитель – это Ты.

Угнетение и мрачность в свет лучей Ты превращаешь;
В дни блужданий мой маяк, мой просветитель – это Ты.

Местью праведной встаёшь Ты на врагов моих заклятых;
Трона царского, короны покровитель – это Ты.

Воспеваю Твоё Имя среди всех народов мира;
Вечный мой могучий страж, благотворитель – это Ты.

РУБАИ

«Шукрона бигӯ, ки субҳ бе дом гузаит...»

Благодарность вознеси за то, что утро было светлым.

Благодарность вознеси за то, что вечер был без ветра.

Скрой своё негодование, ропот, жалобу и стон.

Благодарность вознеси за то, что день был столь приветлив.

«Дар чаими ҳариси ҳокимони даврон...»

В алчном взгляде беспощадно злых вождей

Человек, что беззащитный муравей.

Тут и там, везде, на каждом переходе

Муравья растопчет всякий, кто сильней.

«Дар пойгаи зиндагӣ мо бо сари сахт...»

В бегах, пытаюсь тяготы волочь,
Мы счастье догоняли день и ночь.
Но – в пеших мы, а счастье – на коне:
От нас всё отдалялось оно прочь.

«Ин мулк агарчи мулки бепоён аст...»

В стране размаха мощного, обширной не в обхват,
Огромной и коварной западни черты царят:
Куда б ни шёл, – преградою там проволоки холод,
Куда б ни посмотрел, – тюрьмы решётчатый наряд.

«Хандон гули зарду лола дар ҳар тарафе...»

В улыбке цветы расцветают повсюду,
Травинки, похожие на изумруды.
Луч солнца сверкает, даруя всем жизнь,
В нем пыль перламутром сияет, о чудо!

Щебечет воробушек в резвом полёте,
Он рад, что далёк от насилья и гнёта.
В чириканье радостном уху слышна
Победная, звонкая песня свободы.

«Борони бахор...»

Весенний дождь, приди ко мне и сердце освежи,
Умерь страдания – боль во мне, что острые ножи.
Я вижу, брат, ты рад прийти, но, жаль, тебе мешает
Недосягаемость моей решётчатой межи.

Моя обитель здесь темна, отвратна и грустна.
Могилы явная в ней суть, таинственна, страшна.
Как принято в быту земном, мертвец лежит в могиле,
Мне ж жизнь в обители-могиле роком в дар дана.

Я для надсмотрщика – мертвец, а значит, не живой.
Но и не мёртв я, коль владею телом и душой.
Я не больной, поскольку я лекарств не принимаю,
И не здоров – давно потерял мной былой покой.

Лекарством служит для меня свободы чистый лик,
Тирана-самодура смерть – целительный мой миг.
Кинжалом зла изранено моё живое сердце,
Бальзам для сердца моего – лишь радости цветник.

Свобода *там*, за горизонтом, я ж, бедняга, *здесь*,
Там – радость, свет и жизнь, *здесь* – в сердце стонет честь.
От страшных рук тирана во владении великом
Приволье, ликование – лишь несбыточная песнь.

«Инсофу мурувват талабидан аз дузд...»

Вор не примет совести запрет,
Чужд бесстыдству вежливости свет,
Глупым наставленье бесполезно, –
Воду на арбуз лить смысла нет.

«Як дам дили бегам назадам дар дунё...»

В этом мире не познал я и мгновения покоя,
Моей долей в жизни стало лишь страданье роковое.
Только сердце успокою от печали и тоски,
Как приходит хмурым гостем горе новое, иное.

«Пири бирасиду нотавонӣ омад...»

Вот старость пришла, да и немощность с ней,
Как будто явился сам демон-злодей.
Увы, нет спасенья из этой ловушки –
Конца мира бренного, мира теней.

«Дар маҳбусиям шуд ду карат соли нав...»

Встречаю в заточении второй уж новый год.
Ждёт стар и млад в судьбе своей счастливый поворот.
Коль не принёс мне первый год ни радость, ни свободу,
Чего же ожидать – ведь предreshён исход.

«Ҳайрон саракам, саргуму сарсон саракам!..»

Головушка моя в раздумьях тяжких, в муках,
Два года полных, как в темнице я, в разлуке,
Дороги ни вперёд не видно, ни назад,
Сломали крылья мои в злобе вражьи руки.

«Ба дойраи замон басо рақсидам...»

Довольно плясал я под бубен двуличной эпохи,
Всегда от неё ожидая лишь света, добра.
Душа ж трепетала, в предчувствии страшных подвохов.
И надо ж, сдавила эпоха меня, как гора.

«Он дил, ки ба навмедӣ гирифтор шавад...»

Коль пленила сердце безнадёжность,
Тьмой оно охвачено и дрожью.
Яркий луч надежды сердцу дай –
Свет терпенья дни его умножит.

«Сад хайф, ки ёрону рафиқон рафтанд!»

Как жаль, что друзья и товарищи рано ушли,
Ушли из огня да в полымя, и ныне – вдали,
Попав в руки злого властителя с каменным сердцем,
В число исстрадавшихся жертв его власти вошли.

Мир тленный покинули жертвы один за другим,
С лицом измождённым шёл каждый, несчастьем гоним,
Меня ж бесприютным оставили и одиноким,
С поникшей главою глядящим на страшный режим.

О люди, как жаль ваши чистые души! Как жаль!
Как горько, что вас безысходная гложет печаль!
Из материи чрева, казалось бы, выйдя на волю,
Вы плача, страдая ступаете в грустную даль.

С мгновенья того, как вас мать порождает на свет,
Всю жизнь, каждый час смерть крадётся за вами вослед.
Хоть вы и стократ осмотрительны и осторожны,
Наступит момент – её меч пресечёт череду ваших лет.

От смертного часа искать избавленье – тщета,
И молод, и стар – всех настигнет его чернота.
Трава полевая мы, смерть же – косарь беспощадный,
Работа его монотонна, сурова, крута.

«Ҳарчанд гурезӣ аз қазои азалат...»

Коль решишь ты избежать предначертаний,
Коль играть с жестокой смертью в прятки станешь,
Знай одно – не изменить тебе исход:
Пробил час – и ты настигнут смерти дланью.

«Беҳуда зи роҳи нек рӯ гардондӣ...»

Напрасно пошёл ты недобрым путём,
Напрасно в сомнении встал пред добром.
Что сделать успел ты сегодня, то – сделал,
А что не успел, то – осталось в былом.

«Ҳар бор, ки кор аз сабабе мушкил шуд...»

О сколько раз воспламенялась моя драма!..
О сколько раз сжимал мне сердце тяжкий камень!..
Но, несмотря на всё, я не свернул с пути добра.
И озарился век мой радости огнями!

«Эй халқ, ба ҳоли зори мо ғиря кунед...»

О люди, плачьте по судьбе нашей жестокой и печальной,
По брату нашему излейте свои слезы, свою жалость,
От вести плачьте, что злой тучею пришла издалека
И знаком траура глубокого и скорби жгучей стала.

Три мужа честных, молодых решили родину покинуть,
От притеснений вознамерились пробраться на чужбину,
И устремились тайно в горную страну Афганистан
В надежде сладостной познать свободы светлую вершину.

Благополучно вышли трое из тревог и опасений,
Но неожиданно с иным столкнулись страшным злоключеньем:
В степи попали в лапы мерзостных разбойников-воров,
Были обобраны – подверглись грабежу и разоренью.

Наш мягкий, добрый брат Ёно, душою нежный и прекрасный,
Ослаб от трудного пути, где ждёт угроза ежечасно;
От нападения, грабежа он был настолько потрясён,
Что, словно чаша, был разбит, приняв кончины миг ужасный.

О горе нам от смерти страшной, роковой, несправедливой!
Всегда готовый показать свой грозный меч и зла порывы:
Ведь мы недавно разлучились с дорогим нашим отцом,
А ныне вновь судьба-гроза пытается нашу терпеливость.

«Ҳар субҳ, ки хезаму саломат бошам...»

По утрам просыпаясь и видя, что я невредим,
В клевете не погряз и не ввергнут в зловещий режим,
Благодарность я Господу выразить должен за чудо,
Чтоб и завтра я не был преследуем злом и гоним.

«Сарпаст чаро гаштай чун маҷнунбед?..»

Почему ты поник головой, как плакучая ива?
Отчего приумолкла надежда в твоём лейтмотиве?
Пока корень в воде, есть надежда на жизнь, на расцвет;
После ночи дремучей всегда наступает рассвет.

«Андар дили бандӣ ёди ёр омадааст...»

Сердце пленённое вспомнило образ любимой,
Розе подобной, возлюбленной неотразимой,
С болью мучительной сердце, вздохнув, говорит:
«Там, за решёткою, поступь весны ощутима».

«Гуфтам ба кана: «Наҷистарини ҳашарот...»

Сказал клопу я: «О вампир красноголовый!
Доколе будешь наслаждаться моей кровью?»
На миг прервав кровавый пир, ответил клоп:
«Врагу о жалости к себе не молвят слово.

Коль враг лишён стыда, далёк от понимания,
Коль он безжалостнее волка в злодеяньях,
Коль в ярости он хуже бешеного пса,
Мольба бессильна перед ним в своём стенанье.

В моих владениях слезам твоим нет веры,
Закрыты наглухо здесь состраданья двери.
Здесь царство кровопийцы, нравится иль нет.
Ты пленник здесь, забудь сочувствие и меру».

«Баъд аз сари ман шеъри равонам...»

Я закрою глаза, но мой пламенный стих будет царствовать вечно!
Времена сохранят моё слово, что острой стрелы наконечник!
Отзовутся в сердцах моё доброе имя и чистое сердце!
И оценят уста мою добрую память, мою человечность!

«Афтода дар ин беша асири мискин...»

Узник, оказавшийся в лесу дремучем, злом,
Зрит оленем загнанным, израненным копьём.
Власть преступно лживого, жестокого тирана
Сделала страну цветенья «каменным мешком».

Фарзанди азизам...

Тебе уже шесть, мой сынок дорогой,
Твой лик навевал лишь прекрасный настрой.
И ты, и сестрёнка, и добрая мама –
Вы гордость вселяли в меня и покой.

Я горд, что с любимой мне выпало жить,
Что в добром потомстве продлю жизни нить.
К несчастью, попав в западню, говорю я:
«Как горько, что с раною в сердце мне быть!»

Пометил меня деспот грозный, крутой.
Истерзано сердце навета стрелой.
То жало носителя зла, скорпиона.
Боюсь его жертвою стать роковой.

Гонимый злодеем, попал я в силок.
Мгновенья печали сгущают мой рок.
От рук ненавистника плачу, кричу я.
Отзывчивый друг мой, однако, далёк.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Шуд зиндагонӣ мушкил...»

В хмурый сумрак нынешней эпохи
Всё вокруг содействует беде.
Взгляд бесчестья ищет беспрестанно
Повод к обвиненью, к клевете.

Пялит глаз завистник и доносчик:
То вода твоя в колодце невкусна,
То скривился хвост твоей собаки —
Всё не так, во всём — твоя вина.

Пруд кишмя кишит презренной тварью,
Грязью, скверной полон водоём.
Злом осведомителей, агентов
Полон мир, в котором мы живём.

Помни, друг, что сказано в народе
Прежде, чем свободу дать словам:
В стенах мыши, значит в стенах уши,
Коль забудешь, жертвой станешь сам.

Осмотришься, Мухиб, остерегайся,
Если хочешь разомкнуть уста;
Делай шаг, коль сгладились сомненья,
Лишь тогда, когда тропа чиста.

«Дарахтеро бидидам қадхамида...»

Склонившееся древо видя пред собой,
Лежащих на земле ветвей, плодов покой,
Сказал я сердцу: «Человека ждёт ведь тоже
Падение от мук, от жизни роковой».

Само терпение, о сердце ты моё!
Добра свершение, о сердце ты моё!
Как людям было преданно, но повидало
Лишь зла творение, о сердце ты моё!

Глава моя склонилась, как с плодами ветвь;
Душа моя скорбит от боли и от бед.
Мечтал о беззаботности, о жизни беспечальной,
Но долей моей стало бремя с юных лет.

А было ль пение, о сердце ты моё?
Вся жизнь – смятение, о сердце ты моё!
Прошло неуловимо всё, и наступили
Дни поседения, о сердце ты моё!

Лицо моё желтит бесстрастно листопад;
Сочувственно глядит на плоть мою закат;
Покрылась голова слепящим снегом горя;
Внезапные волненья сердце теребят.

Стезя томления, о сердце ты моё!
И знак мучения, о сердце ты моё!
Пришло в скитаниях ты не к желанной цели,
Но к сокрушению, о сердце ты моё!

Горит душа моя несбыточной мечтой;
Живу с разбитым сердцем и больной душой.
Воскликнули уста в отчаянье глубоком:
«Моя надежда пусть останется со мной!»

Терпи лишения, о сердце ты моё!
Терпи падения, о сердце ты моё!
Ты в безнадежности крепишь, чтоб не изведать
Зла ухудшения, о сердце ты моё!

«Ин чї мулоим нутку калом аст...»

Сколь нежен звук, проникновенен
В волшебном слове вдохновенном.

«Шалом! Шалом!» глас доброй воли,
Тебя возносит стар и молод.

«Шалом! Шалом!» – всегда, повсюду,
Мы слышим звуки-изумруды.

Шалом, твой тон многоголосье
Везде с улыбкой произносит.

Шалом, твой свет роднит при встрече,
Чужих сближает, словно лечит.

Шалом, твой луч вскрывает грани
Любви и тяги при прощанье.

Шалом – мотив, в нём лада сущность,
В нём сплав всех песен сладкозвучных.

Шалом – и мир, и всё святое;
Шалом – сиянье в час покоя.

Шалом – девиз, он – символ жизни.
Шалом – свершение гуманизма.

Шалом – мечта тысячелетий.
«Шалом!» поём мы всей планете.

«Ба ту, эй чаишмаи қувват ва қудрат...»

Тебя, источник сил в лучах восхода,
Тебя благодарю я, о природа!

Благодарю, что новым днём пылала
Душа моя в обители печали.

Благодарю, что в тягостной неволе
Во мне остались честь моя и воля.

Благодарю, что целы, не убоги
Глава моя, глаза и руки-ноги.

Благодарю, что день свернулся в вечер,
Что я вернулся, рад с покоем встрече.

Но в теле слышен плач изнеможенья,
И мышцы видят сон об исцеленье.

В саму усталость сердце превратилось,
Держусь с трудом великим я в бессилье.

Природа, подари свои щедроты,
Живительность свою, свои заботы,

Даруй мне сон благого наслажденья,
Даруй мне радость умиротворенья,

Чтоб в забытии исчезла моя немощь,
Чтоб в лёгкость обернулось моё бремя,

Чтоб ночь благополучно завершилась,
Чтоб вновь уста тебя благодарили.

«Ба ту, эй чаишмаи қувват ва қудрат...»

Тебя, источник сил в лучах восхода,
Тебя благодарю я, о природа!

За то, что ночь прошла без приключений
Что не страшили душу злые тени.

Что вновь я после ночи пробуждаюсь,
Что вновь есть силы, вновь душа живая.

Благодарю, что целы, не убоги
Глава моя, глаза и руки-ноги.

Теперь пойду я снова на работы,
Где властвуют тщета и сила гнёта.

Мне рабский труд они напоминают,
Где света нет, где только тьма без края.

Здесь жалость, милосердие забыты,
Здесь зло, жестокость стали нормой быта.

Стань ты моим оплотом, о природа,
Поддержкой будь, заботой, о природа.

Рукам дай силы, мне – благословенье,
Дай сердцу яркий свет, душе – терпенье.

Как чудо, сделай лёгким труд мой скорбный,
Хоть труд этот совсем не плодотворный.

Чтоб мог мой день без бедствий завершиться
Чтоб мог я снова вечером молиться.

«Гузаитан хости...»

Хотел ты переплыть большую, бурную реку'
И бросился в холодные, стремительные воды.
От берега отплыв изрядно, был ты начеку,
Средь волн нашёл свою стихию: радость и свободу.

Шутя, хотел ты берега далёкого достичь,
Но волны вдруг предстали пред тобою злой помехой
И жалили, как змеи, превращая тебя в дичь;
Охвачен был смятеньем ты, тебе уж не до смеха.

С бушующими волнами, спасая свою жизнь,
Отчаянно боролся ты, наивный человек!
Но силы лишь терял свои, тебя тянуло вниз.
И потонул в пучине вод, закрыв глаза навек.

«Агар тилло набошад, заргарӣ нест...»

Коль золота нет, нет красот мастерства ювелира;
Коль тучи не видно, не будет дождя в этой шири.
Не сетуй на ближнего, на человеческий род:
Коль нет человека, то нет человечности в мире.

«Чӯби нӯгаи тезро «шамшер» мегӯянд-мӣ?..»

Мечом ли зовётся та палка, что остро заточена?

И лев ли тот ослик, что громко кричит на обочине?

Коль так во вселенной народы их не называют,

Поэт ли тот, кто срифмовал две строки худосочные?

Примечания

Йосеф – имеется в виду великий Иосиф-праведник.

Строка оригинала – строка на еврейско-таджикском языке для читающих и изучающих творчество Мухиба.

ТАНАХ – Еврейское Священное Учение, состоящее из трёх книг – Тору, Пророков (Невиим), Писаний (Кетувим).

Шахин из Ширази – основоположник еврейско-персидской литературы.

Шимон Хахам – раввин, писатель, поэт, переводчик, основоположник литературы на языке бухарских евреев.

Сведения об авторе

Роберт Бангиев – поэт, прозаик, драматург, публицист, автор свыше 40 книг. Член Союза писателей Израиля. Руководитель Центра культуры «Муза». По профессии музыковед, преподаватель теории музыки и фортепиано.

Жанры: стихи, проза, пьесы; сказки, притчи, рассказы; эссе, афоризмы; статьи, очерки, интервью и др. Среди произведений – драма в стихах «Пророки», «Десять еврейских поэм», сборник афоризмов «От земли до Небес», «Псалмы в стихах», «Удивительное путешествие по сказочной стране МУЗА», «Музы» благородные порывы», «Ха-Перах вэ Ха-Эвен» (иврит), «Тикун Ха-Клал в стихах», «Завещание благородного человека», «Свет Михаэля», «Шир Ха-Ширим в стихах», «Притчи. Сказки. Фантазии», «Сонеты», «Диалоги», «Вариации», «Эссе», «Газели», «Драматические произведения» и др.

Содержание

Творчество Мухиба /3

Переводы стихов Мухиба /15

Газели/20

Блаженно то время, когда я увидел лик Родины милой/20

В злосключеньях человека сам всегда он виноват/22

В сердце всяк мечту свою лелеет, охраняет/23

Взгляд потускнел мой, сердце ослабло, нервы больны/25

Дни мои в горе и ночи в печали проходят/26

Здравствуй, мужества и воли путеводная звезда/27

Каждая личность, в чьем сердце есть страх перед Б-гом/29

Как жаль, что был повержен я в несчастья с юных лет/31

Как жаль, что был повержен я в несчастья с юных лет/32

Лира, ты дней моей юности светлое сопровождение/33

Мой друг, теперь и ты стал полноправным гражданином, будь благословен/35

Мой друг, я с любовью сказать хочу несколько слов/37
О Родина, спутник и друг моих дней – это ты/38
О царица красоты, я пленён твоей душою/40
Послушай легенду о тех, кто любовью большой покорён/41
Прекрасен был час, когда я покинул сей дом сокрушенья/44
Снова мир наш нарушил коварный и яростный враг/45
Устало сердце моё сильно от ударов учащённых/47
Ушло с тобой всё, что было твоим/48
Человек, по сути, миру как собрат/50
Газели царя Давида/52
О Г-сподь, Ты пастырь мой, само благоволение/52
Я на Б-га полагался, Б-г вошёл в мои заботы/53
О Г-сподь мой, долго ль будет сеянье тираном мук/54
О Всевышний, на Тебя лишь уповаю я всегда/56
О Всевышний, Именем Своим дай избавление/57
Всей душой люблю Тебя, основа всех основ/58
Восхищая, изумляя, Б-г творил Свои деянья/60

О Г-сподь, царь празднует Твоё благоволение/61
О Г-сподь, меня помилуй, пред Тобой виновен я/62
О Всевышний, нет числа моим врагам непримиримым/64
О Г-сподь! Мой добрый щит, путеводитель – это Ты/65

Рубаи/67

Благодарность вознеси за то, что утро было светлым/67
В алчном взгляде беспощадно злых вождей/67
В бегах, пытаюсь тяготы волоочь/68
В стране размаха мощного, обширной не в обхват/68
В улыбке цветы расцветают повсюду/69
Весенний дождь, приди ко мне и сердце освежи/70
Вор не примет совести запрет/71
В этом мире не познал я и мгновения покоя/72
Вот старость пришла, да и немощность с ней/72
Встречаю в заточении второй уж новый год/73
Головушка моя в раздумьях тяжких, в муках/73
Довольно плясал я под бубен двуличной эпохи/74

Коль пленила сердце безнадёжность/74
Как жаль, что друзья и товарищи рано ушли/75
Коль решишь ты избежать предначертаний/76
Напрасно пошёл ты недобрым путём/77
О сколько раз воспламенялась моя драма/77
О люди, плачьте по судьбе нашей жестокой и печальной/78
По утрам просыпаясь и видя, что я невредим/79
Почему ты поник головой, как плакучая ива/80
Сердце плененное вспомнило образ любимой/80
Сказал клопу я: «О вампир красноголовый/81
Я закрою глаза, но мой пламенный стих будет царствовать вечно/82
Узник, оказавшийся в лесу дремучем, злом/82
Тебе уже шесть, мой сынок дорогой/83

Разные стихотворения/85

В хмурый сумрак нынешней эпохи/85
Склонившееся древо видя пред собой/87
Сколь нежен звук, проникновенен (Шалом!)/89

Тебя, источник сил в лучах восхода/91
Тебя, источник сил в лучах восхода/93
Хотел ты переплыть большую, бурную реку/95
Коль золота нет, нет красот мастерства ювелира/96
Мечом ли зовётся та палка, что остро заточена/97
Примечания/98
Сведения об авторе/99